

Мисбохиддини Н.,
Узяшар Ю.

**Толкование суфийских
символов в «Валад-наме»
Султан Валад**

Настоящая статья посвящена вопросам толкования суфийских символов, опознанных в различных главах (разделах, частях) «Валад-наме» Султан Валад. Рассматриваемые символы относятся к числу наиболее известных поэтических тем, разработанных в различных поэтических формах, имеющих весьма важное и ключевое значение в творческой деятельности поэтов-суфиев и суфиев в целом.

Принимая во внимание толкования, тематически классифицированные на основе пояснений Султан Валад, представляется возможным способствовать правильному пониманию мыслей Мавлоно Джалаладдина Балхи.

Ключевые слова: Джалаладдин Балхи Руми, Султан Валад, «Валад-наме», символ, суфизм (мистика), поэтические темы (мотивы), ключевые понятия.

Misbohiddini N.,
Ozyashar Yu.

**Sufi interpretations
of characters in «Walad-name»
by Sultan Walad**

The Present article is committed to the interpretation of the Sufi typescript documented in the variety of chapters (sections, parts) «Walad-name» by Sultan Walad. Considered signs are among the most famous poetic themes developed in various poetic forms, are very important and critical in original work of the Sufi poets and the Sufis in common. Taking into account the interpretation explanation-based classified thematically by Sultan Walad, it is possible to contribute to an well-versed understanding of the opinion of Mevlana Jalaladdin Balkhi.

Key words: Mevlana Balkhi Rumi, Sultan Walad «Walad-name», symbol, Sufism (mysticism), poetic themes (motives), key concepts..

Мисбохиддини Н.,
Узяшар Ю.

**Сұлтан Валадтың
«Валад-намедегі» сопылық
таңбаларын таңдау**

Қазіргі бап сопылар таңбаларының түсіндіру сұрақтарына арналған, әртүрлі газеттерінде таныған (бөліктерінде және бөлімдерінде) «Валад-наме» Валад сұлтаны. Қаралып отырған таңбалар сонымен қатар барынша белгілі поэтикалық қатарына жатады, әр түрлі поэтикалық әзірленген нысандарда, шығармашылық қызметінде негізгі мәні сопылар ақындары және бүтін сопылардың рөлі өте маңызды.

Ұғымды назарға ала отырып түсіндіру, Сұлтан Валад түсініктері негізінде тақырыпта жіктелген, Мавлоно Джалаладдина Балхидың дұрыс ой түсінігіне ықпал етуі мүмкін.

Түйін сөздер: Джалаладдин Балхи Руми, Валад Сұлтаны, «Валад-наме», таңба, суфизм (мистика), поэтикалық тақырыптар (дәлелдер), негізгі ұғымдар.

¹д. ф. н. профессор Таджикского национального университета, г. Душанбе, Таджикистан, ²к. ф. н. ст. преподаватель Университета им. Сулеймана Демиреля, г. Алматы, Казахстан, e-mail: hasti70@mail.ru; yucel.ozyasar@sdu.edu.kz

---

**ТОЛКОВАНИЕ
СУФИЙСКИХ
СИМВОЛОВ
В «ВАЛАД-НАМЕ»
СУЛТАН ВАЛАД**

Бахааддин Мухаммад ибн Джалаладдин Мухаммад Мавлави, известный как Султан Валад (1226-1312) – сын Мавлоно Джалаладдина Мухаммада Балхи (Руми), является известной личностью в мире суфизма и поэзии. Его деятельность в многом, как с точки зрения развития (пропаганды) практических и теоретических сторон суфизма, так и в литературно-эстетическом плане тесно связана с творчеством его отца. После себя он оставил, заслуживающие внимание литературные произведения, сохраняющие и в наше время свое значение как памятники литературы и становящиеся предметом исследования под различными углами зрения [1; 4; 5; 6; 9]. В частности, одним из его известных произведений считается неоднократно изданное месневи «Валад-наме» [5; 8; 9] и являющееся ярким образцом следования Валад за «Маснави ма’нави» Мавлоно Джалаладдина Балхи.

Основной целью Султан Валад в «Валад-наме» является представление духовной и творческой личности Мавлоно Джалаладдина Балхи, реализованное разными способами. В дополнение к этому, в сказаниях Султан Валад в упомянутом месневи находим множество размышлений. Если собрать воедино все эти размышления, будем иметь под рукой свод теоретических посылок, призванных способствовать постижению сути мыслей Мавлоно, изложенных в форме поэтического слова.

Такие теоретические послылки изложены в разных частях упомянутого месневи и по разному поводу. Исходя из этого мы рассмотрим каждую послылку в отдельности и в ракурсе тематической классификации, вытекающей из сути и содержания размышлений Валад.

Место слова. Слово у суфиев занимает высокое место, но над ним располагается смысл, придающий слову содержательную нагрузку. Согласно теории суфийского познания, смысл не всегда можно вместить в форму слова. В частности смысл, связанный с божественной благодатью невозможно вместить ни в какую форму. Исходя из этого, Валад делит слово на три вида: *прозу, поэзию и размышление* и определяет круг охвата каждого из них.

По значимости размышление занимает первое место и ему дано следующее определение: «оно показывает лицо изнутри» («در اندرون روی» («می نماید»). В этой связи на взгляд Валад все, что внутри «располагает большим, широким и пространством» [5, 21]. Если эту широту смысла «выразить прозой, он сужается, а если поэзией становится еще уже» [5, 21].

В этом плане, наиболее важным является определение источника смысла, выражаемого размышлением. Этим источником является скрытый мир (عالم غیب), расположенный выше всего указанного, откуда «благодать (فیض) поступает в сердце», а «его широта и пространственность бескрайны». Другим нюансом является следующее. Для выдающихся, благодаря слову которых невежды становятся знающими, а ученые достигают небес, в некоторых случаях, в особенности, когда постижение смысла для несведущего становится трудным, молчание окажется предпочтительнее слова. Это молчание таит в себе символ, тайну и таинства.

Таким образом, для правильного и адекватного понимания слова Мавлоно, прежде всего необходимо обратить внимание на широту его размышлений. Возможно, в связи с этим, уход от традиционных форм в творчестве поэта, стал предметом спора знатоков. И сам поэт не раз указывал на эту особенность своего творческого опыта.

Показная поэзия и поэзия, показывающая Бога (شعر خود نمای و خدا نمای). Султон Валад после того как ставит вопрос о бытности Мавлоно поэтом и причинах его обращения к поэзии, проводит разницу между поэзией поэтов и суфиев, считая поэзию поэтов показной, а поэзию суфиев, показывающей Бога. В подтверждение этого приводит следующий довод: «Поэзия *авлиё* (شعر اولیا) вся состоит из толкований и таинств Корана, так как они исчезли от себя и живут в Боге. Их движение и покой от Истины (حق)... Они орудие в руках могущества Истины. Разумный не припишет шевеление орудия к орудию. Вопреки этому, поэзия поэтов плод их воображения, изваянная из неправдивых преувеличений, которой преследуют цель показать себя и свои достоинства. Это как тот идолопоклонник, который сам изваяет идол и поклоняется ему. Поэты считают поэзию *авлиё*, созданную вследствие оставления корысти и исчезновения плоти (فنای

نفس), похожей на свою поэзию. Они не знают, что в действительности их деяния и слова исходят от Творца (خالق), сотворенному туда нет дороги. Их поэзия не есть показное, а то, что показывает Бога» [5, 69].

Приведенная выше цитата содержит, заслуживающие внимание нюансы с точки зрения взгляда на поэзию. Первый нюанс подчеркивает целесообразность установления источника мысли для отличия поэзии поэтов от поэзии *авлиё*. С точки зрения источника мысли между поэтами и *авлиё* просматривается существенная разница: поэзия *авлиё* – это комментарий и таинства Корана, сочиненная вследствие оставления корысти и исчезновения плоти (فنای نفس); вопреки этому, поэзия поэтов плод их воображения, сотканная из неправдивых и приукрашенных преувеличений. Следует отметить, что при этом Валад оставляет вне поля зрения вопросы искусства и художественного мастерства. Кроме того, поэт и *авлиё* обращаются к поэзии, исходя из разных побуждений. Если поэты, обращаясь к поэзии преследуют цель показать себя и свое мастерство, то причиной обращения *авлиё* к поэзии является передание действия и слова, внушенного им благодатью Бога. В третьих не подобает относиться к личности *авлиё* и их словам как к рядовому человеку и как к стихотворению какого либо поэта, в терминологическом понимании данного понятия. Так как *авлиё* есть люди, исчезнувшие от себя и живущие в Боге. Их движение и покой управляется Богом.

Султон Валад, продолжая вышеприведенные размышления касательно отличия поэзии поэтов от поэзии *авлиё* обращается к примечательной притче, представляющей нам уместной в данном контексте. Его словами «эти две поэзии таковы. Если ветер дует со стороны цветника, приносит запах цветов, а если со стороны костра, приносит запах гари. Хотя ветер один, но по причине направления дуновения, его запах меняется. У кого есть чувство обоняния, улавливает разницу между ними. Кто жует чеснок, хотя и скажет, что это мускус распространяет запах чеснока и наоборот, кто жует мускус, хотя и скажет, что это чеснок, распространяет запах мускуса» [5, 69].

Валад, располагая *авлиё* в положении влюбленного (عاشق), различает стихи влюбленного от стихов поэта таким образом:

شعر عاشق بود همه تفسیر	شعر شاعر بود، یقین، تف سیر
شعر شاعر نتیجه ی هستی است	شعر شاعر ز حیز مستی است
زان کز این بوی حق همی آید	وان ز وسواس دیو می زاید
رونق شعر آن بود به دروغ	شعر این را ز راستی است فروغ
هر دم آن در مبالغه کوشد	تا به نرخ نکوشد بفروشد
وین ز بسیار اندکی گوید	چون سوی شعر و قافیہ پوید
گرچه خود می نگنجد آن یم او	در بیان و زبان و در دم او
لیک از آن دم همی شود بینا	دیده های درون هر اعما

[5, 69]

(Стихи влюбленного – несомненно толкование (*тафсир*),

Стихи поэта – несомненно запах чеснока.

Стихи поэта – переживание бытия,

Стихи поэта – с позиции опьянения.

Одно распространяет благовоение Истины,

Другое рождено внушениями дьявола.

Блеск стихов этого покоится на лжи,

Правдивость есть озарение стихов другого.

Это постоянно стремиться к преувеличению,

Чтобы продать по хорошей цене.

Другой скажет немного от многого,

Следуя по пути стихосложения и рифм.

Хотя его море выходит из берегов,

В изложении, выражении и вдохновения.

Но из этого вдохновения, становится зрячим,

Внутренние глаза каждого слепца).

В последнем бейте цитаты и в ее последующих бейтах отмечается психологическое влияние стихов, являющееся важным вопросом теории поэзии. По мнению Валад, стихи поэта – *авлиё* преследуют следующую цель: делают

зрячими внутренние глаза каждого слепца, возносят читателя с земли до голубого неба, так как стихи *авлиё* есть толкование Корана и причиной «наслаждения души, просветления веры» и наконец:

قال ایشان بود نتیجه ی حال	پر بود نظمشان ز نور جلال
---------------------------	--------------------------

[5, 70]

(Их слова (قال) есть плод состояния (حال),

Их поэзия освещена озарением Бога).

Тайна смысла (سرّ معنی). Знание тайны смысла, обозначаемое в литературе разными выражениями, является весьма важным вопросом. Литературоведами в стремлении понять значение смысла проделана большая работа, служащая необходимым и существенным путеводителем. Наша цель здесь, в соответствии с пониманием Валад, выяснить как выразить тайну смысла словами. С одной стороны смысл обладает своим словесным выражением. Задача и проблема читателя понять тот смысл, которого имел ввиду автор. С другой стороны, проблема все же сводится к автору. Автор должен представить себе как преподнести тайну смысла читателю.

Валад считает, что изложить тайну смысла как есть, является сложным делом: «если тайну смысла как есть излагает и раскрывает друг (ولی) Бога, не останется ни земли, ни неба. Они тела твердые (جماد) и походят на снег и лед.

Тайна друга Бога (ولی), которая является солнцем Судного дня, если раскроется, твердые тела (جمادات) расплавляются и исчезнут. Это как фонарь, занесенный в темную комнату, который пожирает тьму как кусок (пищи) и уничтожает» [5, 109].

Первое на то, что следует обратить внимание в приведенной выше цитате, это то, что здесь подразумевается особый смысл (معنی خاص). На наш взгляд, этот особый смысл является познавательной категорией, относящейся к тайне истинного познания (سرّ معرفت حقیقی). Известно, что в творчестве Мавлоно нелегко находить мысли, выраженные в открытой форме (سورت آشکار). Читатель Мавлоно, чтобы понять его слова должен быть приученным к глубокому размышлению.

Автор «Валад-наме» полагает, что каждое слово покрыто тайной, и каждая тайна покрыта другой тайной. Поэтому, если кто знает слово,

но не занет тайну слова, неминуемо выходит на неверный путь, а «тайна останется у тайны». Тайна как слово. Кто не знает тайну тайны, ему вредно слышать о ней. Потому считается неподобающим, рассказать тайну неподготовленному [5, 354].

«Бедность моя гордость» («الفقرُ فخري»). Это изречение (حديث) Пророка, весьма часто непосредственно и опосредованно, используемое как в теории, так и на практике суфизма, в частности в творчестве Мавлоно Джалалдина Руми, сопровождается различными пояснениями. Автор «Валад-наме» приводит следующее пояснение, связанное с отношением учителя к ученику: «Ели ученик научится малому у учителя, учитель никогда не будет им гордиться, а наоборот он будет стыдиться его. Он будет гордиться учеником, научившимся многому у него, ибо гордиться им, означает гордиться самым собой. Поэтому Пророк говорил, что «Бедность моя гордость» «الفقرُ فخري» [5, 182].

Самопознание и познание Бога (خود بینی و خدا بینی). Вопрос самопознания и познания Бога в теории суфизма считается одним из важных уроков (آموزه). Поэтому Валад уделяет этому вопросу особое внимание и в отдельной части (فصل), опираясь на теорию познания Истины (حق), пишет следующее: «кто познаёт Бога, становится немим в произношении слов, не относящихся к Богу, в особенности слов о себе. Он станет красноречивым при упоминании (تکر) Бога. Познание Истины есть признак совершенства разума. Совершенство разума это то, что «когда его коснется проявление (تجلی) Бога, теряет сознание». Каждый сведущий человек, познавший могущество Истины, которое подобно Солнцу, не будет оглядываться на своё могущество, подобное частицы; кто созерцает бескрайнее знание Бога, не будет измерять частицу знания, доставшейся ему». Вывод такой, что путь к познанию Бога есть избавление от самопознания. Тот, кто познал Бога и предал забвению свои приобретения (صفات), избавился от самопознания, познал Бога [5, 271-274].

Причина иносказаний *авлиё* (علت مَرْمَز سخن) (گفتن اولیا). Одна из причин иносказаний *авлиё*, сводится к тому, что на них возложена задача сокрытия божественной тайны. Им не дозволено говорить в открытую: «авлиё посвящены всем тайнам. Им не дозволено открыть тайну неподготовленному. Если было бы дозволено, сам Всевышний раскрывал бы это им» [5, 319].

О невозможности выражения смысла словом «در عبارت ننگیندین معنی». Выразить смысл пос-

редством определенных форм: слово, выражение, составное выражение, предложение, строка (مصراع), бейт не является простым вопросом. В этой связи, мастером считается тот, кто в состоянии выразить подразумеваемый смысл в заданной форме. Не спроста принцип «мало слов, больше смысла» («لفظ اندک و معنی بسیار») заслужил одобрение сведущих людей. Валад, также акцентируя внимание на это, относительно сложности выражения смысла словом пишет следующее: «Смысл как он есть, не охватывается выражением. Он не подобен тому, что «нет противопоставления ему и нет равного им» («لو زیددا لاху ва ло нидда лаху»). Но необходимо сказать такое, чтобы оно соответствовало разумению людей, чтобы они стали его захотеть. Это так же как пред младенцем сравнивать губы возлюбленного (شاهد) с сахаром, чтобы младенец мог сравнивать губы со сладостью сахара и сказать, что они должны быть сладки как сахар. В противном случае, какое отношение имеет сахар к губам возлюбленного?! Они никак не связаны друг с другом»... [5, 384].

В приведенной цитате подчеркивание «но необходимо сказать такое, чтобы оно соответствовало разумению людей, чтобы они стали его захотеть» представляет собой, заслуживающий внимание нюанс в теории постижения художественного слова.

О постижении слова Мавлоно (اندر شناخت کلام) (مولانا). В следующей цитате изложено, примечательное рассуждение о постижении слова Мавлоно: «Каждого познают по его пище. Пища бывает двух видов: чувственная и умственная. Чувственная – это хлеб, мясо, вода и другое, а умственная наука и мудрость. Ныне некоторых тянет к богословии (فقه), некоторых к логике (منطق), некоторых к комментариям (تفسیر), некоторых к диванам Аттар и Санаи (да благословит их Аллах – *рахмат-ул-Лоху алайхумо*). Некоторых других к поэтическим диванам таких (поэтов) как Анвари и Захир Форёби. Кого тянет к диванам Анвари и других поэтов, они люди миряне, над ними довлеет вода и глина (آب و گل). А кого тянет к диванам Санаи и Аттар и наставлениям (فوائد) Мавлоно да освятить Аллах нас его могущественным таинством (*қаддасана-л-Лоху бисиррихи-л-азиз*), что является ядром ядра и лучшим лучшим (مغز مغز و نغز نغز) и избранному слову Санаи и Аттар свидетельство того, что он относится к людям сердца и лику *авлиё*» [5, 274].

Из этого вытекает, что Валад поэзию Мавлоно не ставит в один ряд с поэзией Анвари

и Захир Форёби, а ставит в один ряд с поэзией шейх Аттар и Санаи Газнави, характеризуя наставления (фоваид) Мавлоно как «ядро ядра и лучшее из лучшего» (مغزِ مغز و نغزِ نغز). Представляется, что Валад в числе первых относит Санаи и Аттар к лику *авлиё*.

Следующее размышление, в связи с влиянием слова Мавлоно и его мыслей на всех и в особенности на «избранных аскетов» («زاهدان» «گزیده ی مختار») также может способствовать постижению его поэзии:

زاهدان گزیده ی مختار	شده از عشق او همه خمار
نی ز خمیری که آن بود ز انگور	بل ز خمیری که نام اوست طهور
صائمان جمله می خوران گشته	عوض ذکر شعرخوان گشته
نی چنان شهر کان مجاز بود	بلکه شعری که مغز راز بود
ظواهرش شعر و باطنش تفسیر	راه حق را در او بهین تقریر

[5, 331]

(Избранные достопочтенные аскеты,
Ставшиеся из-за любви к нему виноделами.
Не того вина, которое готовится из винограда,
Но того вина которому название *тахур*.
Постившиеся все стали пьющими вино,
Вместо *зикр*, распевая стихи.
Не такие стихи, которые состоят из иносказаний,
А стихи, составляющие суть тайны.
С виду стихи, изнутри комментарий (*тафсир*),
И наилучший путеводитель пути к Истине (*Хакк*)).

Постижению психологического воздействия слова Мавлоно может способствовать и другое высказывание Валад, превозносящее поэзию

Мавлоно. В трех нижеследующих бейтах воздействие слово Мавлоно на читателя вырезано таким образом:

لب لعلش چو در بباریدی	مرده را جان نو سپاریدی
سختش بود همچو شهد و نبات	زنده و مرده زو بیرده حیات
مردگان جمله گشته زان دو حی	زندگان زنده تر شده از وی

[5, 380]

(Его гранатовые губы выплескивали жемчуг,
Вводя в тело мертвеца новую душу
Его слова были как мёд и *набат*,
Дарили живому и мертвецу жизнь.
Мертвецы воскрешали с той поры,
Живые еще более оживлялись).

Пояснение бейта Мавлоно (توضیح بیت مولانا). Как было отмечено в начале этого раздела, Валад уделяет исключительное внимание творческой и духовной личности Мавлоно, посвящая «Валад-наме» этому вопросу. Для достижение этой цели Валад использует разные методы. В частности, иногда сталкиваемся со случаями, когда Валад непосредственно излагает свои размышления о смысле того или иного бейта Мавлоно. Например, по поводу

вопроса о тайне и способности ее разглашения читаем: «Всевышний посвятил *авлиё* таким тайнам, в случае разглашения ими частицы которых, не останется ни небо, ни земля. Потому и им не дозволено разглашение тайн. И это потому, что если Всевышний не находил бы их верными хранителями, не доверял бы им сокровищницу тайн. Мавлоно, да освятить Аллах нас его могущественным таинством, (*қаддасана-л-Лоҳу бисирриҳи-л-азиз*) пишет:

«بنموده ام نشانی ز اعمال او ولیکن
دو جهان به هم برآید، سر شور و شر ندارم»

[5, 221]

(Показывал бы толику его красоты, однако,
Столкнутся оба миров, а у меня нет сил терпеть смуту и волнение).

Как явствует из этого бейта, у Мавлоно вопреки Мансур, принявшего в отношении к себе, точнее своего тела «смуту и волнение» (شور و شر), «нет сил терпеть смуту и волнение», вследствие которого он делает выбор в пользу рассудительности.

В своем произведении, автор «Валад-наме», вдаваясь в пояснение, весьма редко упоминая имя поэта, обращается и к бейтам других поэтов

или, применяя их в качестве довода, часто ссылается на *айяты* (стихи Корана) и *хадис* (изречения Пророка). Эта особенность требует отдельного исследования. Для примера, один бейт Санаи прокомментирован следующим образом: «Кто не сможет умертвить плоть и унижить ее, на исходе превратится в дрова ада». Человек, на самом деле, как пишет Санаи есть душа, считающий себя телом:

تو جانی و انگاشتستی که جسمی تو آبی و پنداشتستی، سبوی
(Ты есть душа, хотя себя считаешь телом,
Ты есть вода, хотя думаешь, что ты молодое вино (*сабу*)).

Человек, пренебрегая своей сутью, лелеет днем и ночью чуждое ему тело, являющееся врагом и покидающим его. При этом оставляет себя (душу) бедным, голодным и раздетым [5, 293-294].

Валад в своем произведении изредка ссылается на стихи Мавлоно, приводя их в качестве довода для своих рассуждений. Впрочем и этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения. В книге «Маориф» также наблюдается такой же прием со ссылками на стихи некоторых поэтов и суфиев.

В завершении следует отметить, что мысли, выраженные Султаном Валад в связи с такими символами суфизма как место слова, показная поэзия и поэзия, слаящая Бога, таинство содержания, самомнение и постижение Бога и другие относятся к вопросам познания слова поэта с точки зрения содержания и поэтической тематики. При этом автор упомянутого месневи оставляет за пределами своего внимания художественные стороны поэтического слова.

Литература

- 1 Мавлоно, Джалолуддин Мухаммади Балхи. Маснави маънави / Дж. М.Б. Мавлоно; бар асоси матни Р. Николсон ва мукобила бо нусхаҳои дигар; таҳия, танзим ва баргардони матн: Баҳриддин Ализода (Алави), Али Мухаммади Хуросони. – Техрон, 1379 х. = 2001 м. – 728 с. (на тадж. яз.)
- 2 افلاکی، شمس الدین احمد. مناقب العارفين: در 2 جلد؛ به کوشش تحسین یازجی. - تهران: دنیای کتاب، 1375. - 122 ص.
- 3 افلاکی، احمد. مناقب العارفين؛ ترجمه ی تحسین یازجی. - استنبول: کبلی بینوی، 2006. - 254 ص.
- 4 بلخی، بهاءالدین محمد. دیوان سلطان ولد؛ با مقدمه ی استاد سید نفیسی. - تهران: کتاب فروشی رودکی، 1338. - 670 ص.
- 5 سلطان ولد، بهاءالدین احمد بن مولانا جلال الدین محمد بن محمد مشهور به سلطان ولد. ولد نامه؛ با مقدمه ی فرشید اقبال. - تهران: اقبال، 1388. - 522 ص.
- 6 سلطان ولد، بهاءالدین محمد ابن جلال الدین محمد بلخی. معارف؛ به کوشش نجیب مایل هروی. - تهران: مولانا، 1377. - 351 ص.
- 7 7. Eflâkî, Ahmed. Âriflerin Menkıbeleri / A. Eflâkî: çevirmen: Tahsin Yazıcı. – İstanbul: Kbalcı Yayınevi. – 2006, 721 s.
- 8 8. Garabeiglou, Djamchid, «Sultan Valâd: Hayatı, Eserleri ve Masnavî-i Valadî'nin Tenkidli Metni», Doktora Tezi, Danişman: Prof. Dr. Tahsin Yazıcı, İstanbul, İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Fars Filolojisi Kürsüsü, 1977, 3 cilt, X+35+Onaltı+607 sayfa.
- 9 9. Sultan Veled, Bahâ'-ad-Dîn Muhammad Walad Ibn-Ġalâl-ad-Dîn. İbtida-Name Sultan Veled / B. Sultan Veled; çeviren Abdülbaki Gölpınarlı. – Ankara: Güven Matbaası, 1976. – 512 s.

References

- 1 Mavloni Jalaladdin Balkhi Muhammadi. Masnavi Ma'navi / Dj. M.B. Mavloni.; Barasosimatni R. Nikolson va bomukobila bo nuskhahoi digar; tahia, tanzim va bargardoni matn: Bahriddin Alizoda (Alawi), Alii Muhammadiyi Khurosoni. – Tehron, 1379. – 2001 m. – 728 p. (In the Taj. Lang.)
- 2 Aflaki Shamsuddin Ahmad. Menakibul Arifin: Der 2 cild; bakushishi Tahsin Yazıcı. – Tehran: Dunyo kitob, 1375. – 122 s.

- 3 Aflakî Ahmad, Menakıbul Arifin; tarcumai Tahsin Yazıcı. – İstanbul: Kabalcıyayınevi, 2006. – 254 s.
- 4 Balcı Bahaeddin Muhammad. Divan-ı Sultan Valad; bamukaddimaiustod Sayid Nafisi. – Tehran: Kitobifuruşi Rudaki, 1338. – 670 s.
- 5 Sultan Valad Bahaaddin. Ahmad bin Mevlana Calaladdin Muhammad bin Muhammad maşhur Sultan Valad.Valad-noma; Ba mukaddimaiFarşidİkbol. – Tehran:İkbol,1388. – 522 s.
- 6 Sultan Valad Bahaaddin. Muhammad ibn-i Calaladdin Muhammad Balhi. Maarif; Ba kuşışı Najib Moil Heravi.– Tehran: Mevlana,1377. – 351 s.
- 7 Eflâkî Ahmed. Âriflerin Menkıbeleri / A. Eflâkî: çevirmen: Tahsin Yazıcı. – İstanbul: Kabalcı Yayınevi. – 2006, 721 s.
- 8 Garabeiglou Djamchid, «Sultan Valād: Hayatı, Eserleri ve Masnavî-i Valadînin Tenkidli Metni», Doktora Tezi, Danışman: Prof. Dr. Tahsin Yazıcı, İstanbul, İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Fars Filolojisi Kürsüsü, 1977, 3 cilt, X+35+Onaltı+607 sayfa.
- 9 Sultan VeledBahā'-ad-Dīn Muhammad Walad Ibn-Ġalāl-ad-Dīn. İbtida-Name Sultan Veled / B. Sultan Veled; çevirenAbdülbakiGölpınarlı. – Ankara: GüvenMatbaası, 1976. – 512 s.